

Доклад профессора В.Н. Брюшинкина
«Аргументация: общество и сообщество»*

То, что мы сфокусировались в докладе на обществе, связано с некоторыми, в том числе и прагматическими, обстоятельствами. Идея была такова: наш научно-образовательный центр – Институт Канта – работает над проектом «Рост рациональности, мышление и практическая деятельность современного российского общества на основе достижений западно-европейской и российской философской науки», поэтому нам было интересно сконцентрировать внимание нашего исследовательского сообщества на социальных проблемах, чтобы в дальнейшем использовать эти материалы для развития нашего проекта. В ходе выступления я планирую тезисно напомнить содержание доклада (*т.к. текст доклада был заранее получен участниками семинара*)¹, далее будут освещены аспекты, не упомянутые в тексте, а затем мы сможем вместе обсудить сказанное.

Фокус моего выступления содержится в вопросе: какие общественные потребности удовлетворяют (или могут удовлетворять) существующие (или возможные) теории модели аргументации? Мы попытаемся понять, чем мы занимаемся, т.е. чем занимается сообщество и те люди, которые сделали аргументацию и модели аргументации своим занятием; решаем ли мы какие-либо задачи, выставляемые обществом, и существует ли явный запрос общества на решение определённых задач с помощью аргументации. Готовясь к докладу, я

* Расшифровка доклада и его обсуждения выполнены *Ксенией Юрьевной Косачевой*, аспиранткой каф. философии БФУ им. И. Канта. Мы особо признательны ей за эту неоценимую работу.

¹ См. статью в настоящем сборнике, написанную на базе данного доклада. С.

обратился к социально-философской литературе и в связи с тем, чем занимается организационное сообщество, я выделил две базисных стратегии в объяснении современного общества. Первая стратегия (более западная) основана на согласовании интересов существующих в обществе общественных групп и индивидов, причём возможность согласования интересов влечёт за собой благоприятную тенденцию развития общества, а невозможность согласования интересов – неблагоприятную. Такого рода концепцию подтверждает политика и история, хотя, если затрагивать эти сферы, нельзя не учитывать их специфику и возникающие в связи с этим оговорки. Если мы берём такую потребность общества как социальный интеллект, согласование интересов различных индивидов и групп, конституирующим фактором выступает такой политический режим как демократия. Здесь я ссылаюсь на работу В.М. Сергеева «Демократия как переговорный процесс»², где очень чётко выражена мысль о том, как демократия выстраивается не на праве большинства и тому подобных вещах, а на переговорах, которые этот политический режим обеспечивает. Если мы так понимаем демократию, то согласование интересов носит главный характер. Соответственно, на мой взгляд, запрос, идущий от современного общества, имеет прямое отношение к нам, т.е. к тому, чем мы занимаемся в аргументации и в логике. Поскольку такие демократические процедуры имеют тенденцию к прозрачности, к тому, чтобы интересы высказывались явно, чтобы они обосновывались, а не отстаивались, такая стратегия образует запрос на критическую рациональность и на разработку способов решения конфликтов позиций и мнений.

² Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999.

Противоположная стратегия имеет своим основанием социально-психологическую литературу и рассматривает основополагающим для общества не согласование интересов, а влияние общественных индивидов и общественных групп друг на друга. В отличие от прозрачности идеи согласования интересов, здесь стратегия состоит в том, что включает некие манипулятивные компоненты, т.е. социальное влияние необязательно является сознательным. Это две разные стратегии, причём вторая стратегия в области аргументации образует, на мой взгляд, уже второй общественный запрос – на разработку эффективных способов убеждения. Мы видим, что такие запросы со стороны общества имеют место в современных аргументационных исследованиях, выражаясь в виде двух крайних ориентаций на построение моделей аргументации: ориентация, задающая стандарт рациональности и согласования интересов, и ориентация, концентрирующая наше внимание на убеждении или на отношении лицо – аудитория. Следует оговорить ещё один момент, а именно – возникающий методологический вопрос о роли социального фактора. Я придерживаюсь позиции Б.С. Грязнова, в рамках которой социальный фактор выступает как селектор, а не как создатель. Это вполне подходит и теории аргументации. Я обращусь к классификации исследований аргументации Емерена и Гротендорста, основателей прагматодialeктической теории, представленной в работе “Systematic theory of Argumentation” (2004), где выражен общий подход к аргументации как к рациональному диалогу с точки зрения разумного (reasonable) критика: «Аргументация – это вербальная, социальная и рациональная деятельность, направленная на убеждение (convincing) разумного критика в приемлемости некоторой точки зрения с помощью

выдвижения совокупности высказываний, оправдывающих или опровергающих высказывание, выражающее точку зрения»³. Как мы видим, прагматика ориентирована на носителей языка, которые действительно хотят решать свои расхождения во мнениях при помощи аргументации. На мой взгляд, не случайно, что именно эта концепция возникла в центре Европы, удовлетворяя ту потребность в аргументации в развитых демократических обществах. В рамках этого подхода различают два вида аргументации: диалектическая аргументация и риторическая. *Философски*, это – различие между критико-рационалистской и антропологическо-релятивистской концепциями разумности (reasonableness). *Аргументорически*, это – различие между прагматической и эпистемически-риторической теориями аргументации. *Практически*, это – различие между реконструкцией аргументации, ориентированной на разрешение расхождений во мнениях и ориентированной на убеждение (persuasion) аудитории. Т.е. мы видим, что эти две концепции аргументации довольно точно удовлетворяют те общественные потребности, о которых мы ведём речь. Я думаю, что в жизни дело обстоит, безусловно, не так, как в абстракции, т.е. как правило, в жизни всё смешано, и эти процессы (и те, и другие) имеют место одновременно. Кстати говоря, в первое десятилетие двухтысячных на это отреагировала прагматика с идеей стратегического маневрирования, которая в том и заключается, чтобы не учитывать адресата и устройства в чисто рациональной модели аргументации. Они показывают, как строят аргументацию, «маневрируя» между чистой

³ *Eemeren F., Grotendorst R.* 2004. *Systematic theory of Argumentation.* Cambridge. P. 1.

диалектической рациональностью и тем, что я здесь назвал индивидуальным релятивизмом. Общество не однородно, и даже западное общество неоднородно, и кроме явно высказанных потребностей на демократии, разрешении интересов и конфликтов, есть такие вещи, как маркетинг, реклама, манипуляции общественным мнением со стороны политиков и тому подобные явления, которые образуют запрос на другие модели аргументации, и с этим приходится считаться. Я не говорю, хорошо это или плохо, я просто говорю о потребностях и запросах.

Есть и другие разделения, которые, на мой взгляд соответствуют этим двум стратегиям. Дейл Хэмпл, довольно интересный теоретик аргументации, разделяет теории аргументации, ориентированные на анализ текста, и теории аргументации, ориентированные на людей. Тексты прозрачны, их легко анализировать, а люди – они непрозрачны, и поэтому у аргументацией, которая связана с понятием субъекта, адресата, заниматься необходимо, но очень трудно, поскольку там мы вступаем на довольно скользкую почву субъективности. Соответственно, аргументация, ориентированная на анализ текста, соответствует первому запросу общества, а аргументация, ориентированная на людей – второму. «Настоящее аргументирование производится только людьми, создателями и получателями аргументов, и никогда не бывают словами, расположенными на странице»⁴. Здесь выражена довольно радикальная мысль, совпадающая с тем, что я утверждаю относительно когнитивного подхода: образ адресата, представление об адресате – это главное в аргументации, текст же – вторичен.

Обратимся к важному, на мой взгляд, тезису о связи с неформальной логикой. Меня всегда беспокоил

⁴ *Hampl D. Arguers // Informal Logic. Vol 27. N 2. 2007. P. 163.*

критический вопрос, который часто задают: когда нужно перестать задавать вопросы о приемлемости посылок, об обоснованности выводов и так далее, где находится этот ясный предел, на котором при рациональном ответе можно остановиться? И честно говоря, я не вижу никаких причин, чтобы остановиться в задавании вопросов о релевантности, приемлемости и т.п. прежде, чем мы достигнем дедуктивных выводов. Поэтому я сформулировал такую идею, что несмотря на ориентацию неформальной логики на содержательный анализ текста, она должна стремиться к формальной логике как к своему пределу, когда мы ставим вопрос об окончательной убедительности того, о чём мы говорим. По крайней мере, другой границы я пока не нашёл.

Интересным для меня представляется тот факт, что аргументорика пытается построить теорию неформальных рассуждений, отличную от логической, но логика либо является предельным способом обоснования, либо формализует эти неформальные рассуждения. Однако аргументорика не должна быть ухудшенной или ослабленной логикой. В связи с этим, я думаю, что для аргументорики может быть существенным смена способа представления знаний. Идея заключается в том, чтобы положить в основание представления - объектные структуры, между которыми возможен другой тип отношений, там, где есть высказывание всегда возникает отношение основания и следствия в независимости от нашего желания, а за отношением основания и следствия речь заходит о логических выводах. Но если мы берём объектные структуры - представления, то там возможен другой вид необходимой связи - причинная связь. В связи с этим мы обращаемся к когнитивному картированию, о котором я несколько раз упоминал в

последнее время. Когнитивная карта представляет собой гипотезу субъекта о возможной связи представлений в уме адресата в условиях наличия у него определённых опор убеждения. После рассмотрения нескольких конкретных примеров из художественной литературы (которая, к слову, на мой взгляд, является наиболее интересной в виду наличия более чёткого образа адресата в отличие от научных текстов), следует отметить то, что отличает когнитивную карту от неформальной логики и от логики вообще. Здесь суть состоит в том, что мы берём за единицу анализа представление, т.е. либо понятие, либо образ.

Следующим вопросом, на котором я бы хотел сосредоточить внимание, является то, что российское общество в целом сейчас направляет нам запрос на манипулятивные теории убеждения и аргументации, удовлетворяя, таким образом вторую потребность. Наше общество – это общество не согласование отчётливо выраженных интересов, а общество влияния. Наша задача состоит в том, чтобы отталкиваясь от запросов современного общества, попытаться, по крайней мере в нашей среде, в нашей деятельности вести общество к более высокому уровню рациональности. Но это означает и то, что рациональность нельзя навязать. На мой взгляд, построение модели аргументации должно находиться на балансе, уводя наших слушателей, людей, с которыми мы работаем, от моделей, основанных на убеждении, внушении, к рациональным процедурам. Вот это, собственно говоря, и есть тот вывод, который я бы хотел сделать.

Ещё несколько слов я бы хотел сказать насчёт практических вещей, которые следуют из всего вышесказанного. На мой взгляд, сейчас перед нами стоит цель создания такого сообщества, которое было

бы способно на основе теоретических разработок создавать образовательные технологии и применять их для удовлетворения общественных потребностей. Мы создали ресурс Ratio.ru, вокруг которого вполне может осуществляться организация российского аргументационного сообщества. Однако я внимательно ознакомился с опытом создания журнала «Argument and Computation». Этот журнал возник в 2010 году, и его возникновению предшествовало десятилетие, посвящённое построению сообщества. Журнал отличается высоким уровнем отбора докладов и статей. И относительно нашего журнала я бы хотел внести конкретное предложение: нашими силами создать экспертное сообщество для обеспечения жёсткого рецензирования. Также есть идея организации специальной подготовки по аргументации в рамках магистерских программ на английском языке. Это является одним из способов подготовки молодёжи к интеграции в мировое сообщество.

Обсуждение доклада:

Первый вопрос: Я не очень понял, как между собой связаны заявленные цели и превращение журнала в рецензируемый, т.е. другими словами, почему с Вашей точки зрения, так важно сделать журнал рецензируемым? Почему недостаточно того, чтобы он существовал так, как существует сейчас? Что изменится?

Докладчик: Как он существует сейчас? Как, например, существуют все журналы сейчас? Мы знаем людей, которые готовят статьи, и мы их публикуем. Мы редактируем, иногда вступаем в диалог. На мой взгляд, изменится многое. Отсутствие реального рецензирования, по моему мнению, порождает недостаток ответственности. Ещё существует

проблема, о которой Меськов говорил «Давайте читать друг друга». Мы не читаем друг друга как следует. Сложность, безусловно, возникает с финансированием. Однако я не исключаю варианта включения рецензирования в программу Федерального университета. Всё это связано с продвижением работы на более высокий уровень. По-моему, это механизм, который подтягивает уровень работы. Во всём мире он активно используется, мы им не пользуемся. По крайней мере, из моего опыта работы во всех наших журналах, этот механизм там не работает совсем. Но с некоторыми большими исключениями. В «Кантовском сборнике» начали это делать, но там не хватает портфеля.

Реплика: В логических исследованиях тоже начали это делать.

Докладчик: Начали это делать. Однако портфеля не хватает. Для того, чтобы начать это делать, нужно чтобы портфель превышал предложение примерно в два раза. Чем хорошо электронный журнал – там нет никаких ограничений, в отличие от бумажного ресурса.

Второй вопрос: У меня вопрос, связанный с рецензированием. Мне неясно, почему у нас в стране преимущественно понимается как потенциальное отклонение статей. Дело в том, что товарищеское рецензирование нацелено на то, что коллектив работает над статьёй, и в каждом ответе рецензента большую часть занимают замечания, особенно это важно для статей, которые содержат формальный аппарат. И в связи с этим, наибольшую сложность представляет разработка формы для рецензента, т.е. встаёт вопрос, в какой форме он должен отвечать на поставленные редколлегией вопросы. И второй вопрос: мне неясно, почему эта работа должна оплачиваться. Если это товарищеское рецензирование,

то мы исходим из того, что мы вместе делаем общий мейн-стрим высшим уровнем. Я много лет работаю с зарубежными журналами, и никто никогда мне ничего не оплачивал. Можно всегда отказаться от рецензии по ряду причин, там присутствуют такие опции. Но оплата налагает определённые обязательства. Поэтому у меня вопроса два: почему рецензирование обязательно видится как отклонение, может быть, здесь есть какой-то скрытый подтекст, который мне не ясен, и второе: для чего нужна оплата, если это товарищеское рецензирование?

Докладчик: Спасибо. Относительно отклонения: естественно, что важнее замечания, отзыв другого человека, с помощью которых ты можешь улучшить свою статью. Однако я совершенно чётко осознаю, что позитивный аспект здесь важнее. И второе – насчёт оплаты. Мне тоже нравится идея работы из интереса к тому, чем ты занимаешься. У нас есть проект по созданию рецензируемого журнала, он обсуждается в университете сейчас, и идея такова, что рецензентам будут платить. Я думаю, что это либо не получится, либо получится на один-два года. Поэтому, естественно, организация такого сообщества, которое работает на интересе, намного лучше.

Третий вопрос: Насколько метод когнитивного картирования является объективным?

Докладчик: У меня встречный вопрос: если мы анализируем текст при помощи логики, допустим простой, уверены ли Вы, что два логика, взяв один и тот же текст, построят одну и ту же логическую конструкцию? Я, например, не уверен. Потому что текст многозначен, он допускает большое количество уточнений, в основе его лежат разные аппараты. Метод когнитивного картирования тема и хорош, что он субъективен. Это образует основу той теории, которая в силах серьёзно учитывать субъект. Кроме

представления об адресате, мы должны также обладать ясным представлением о субъекте. Иллюстрацию этого момента можно будет увидеть, когда мы будем проводить презентацию нашей игры, там возникает именно эта проблема. Мы пытались сделать такую модель, где поступающий на работу уговаривает работодателя, убеждая последнего принять его на работу. Там выяснилось, например, что нам нужен образ не только работодателя, нам нужен также и образ того, кто занимается убеждением, т.е. там появились маски, персоны. В этом смысле, конечно, субъективность – это хорошо. С философией дела обстоят по-другому. Мне, честно говоря, хочется при помощи аргументации вернуть в область рациональных убеждений то, что оттуда пыталась изгнать логика, а именно субъективность, соотнесённость ума субъекта и адресата, и принять их всерьёз. Поэтому я ценю здесь скорее, плодотворность, чем возможность по одному и тому же тексту построить одну и ту же модель.

Четвертый вопрос: Насколько техника, о которой шла речь, может быть использована на практике? Например, в образовании?

Докладчик: Виктор Михайлович⁵ может говорить об этом подробнее, я почерпнул эту идею у него, в 80-х, когда мы обсуждали эти дела. Конечно, эта техника может использоваться. Она уже используется в тех областях, где пытаются выстраивать некоторые элементы на таких картах ума. Они выступают как способ решения задач, принятий решений и так далее. У меня складывается впечатление, что мы этот ресурс не используем. Это наша область, которая занята другими людьми. В том числе людьми с

⁵ *Виктор Михайлович Сергеев* - доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений, директор Центра глобальных проблем МГИМО.

образованием. Людями, как правило, не обладающими достаточным уровнем компетенции. Вот здесь есть проблема субъективности. Субъективность должна быть каким-либо образом ограничена: правилами, подходами, процедурами, которые обеспечивали бы хотя бы какой-то оттенок общезначимости. По-моему, здесь очень много перспектив. Поэтому я и говорю о разработке обучающих технологий. У нас планируется проведение круглого стола, где мы подробно обсудим эти вопросы: как можно делать и что можно ещё сделать.

Пятый вопрос: У меня вопрос к аргументации не имеет, но и тема тоже не совсем аргументационная. Что такое общественная потребность, о наличии которой мы наивно говорим, думая, что она есть? Кто является субъектом этой общественной потребности? Я знаю, что такое потребность человека, о которой Гегель говорил, что она представляет собой чувствуемое противоречие между субъектом и средой. Я каждый момент своего бытия ощущаю отрицательное воздействие мира, который не заинтересован в моём существовании, я преодолеваю его, удовлетворяя свои потребности. Я знаю, что такое потребность животного, я удовлетворяю его потребность, таким образом оно выживает. Но кто является субъектом, представляющим потребность общества? Кто способен рефлексировать такую потребность как свою, и кто может выступать от имени общества, выставляя себя тем институтом субъектом, который требует эту потребность удовлетворить. Т.е. не переходим ли мы при разговоре об общественной потребности к разговору о такой потребности, как, например, потребность автомобиля в бензине, масле и так далее? Есть ли такая потребность? Я всё больше убеждаюсь, что реально никакой потребности в обществе нет. Если я воспринимаю некоторые

существующие социальные институты как субъекты, которые должны эту потребность как-то сформулировать: государство, политические партии и прочее.

Докладчик: На государство надежды нет, на политиков тоже. Я, конечно, не имею в виду общество в целом. У общества в целом есть только одна потребность – в развитии, если оно не находится в состоянии стагнации. Здесь имеется в виду потребность групп людей, которые обращаются к нам с просьбами дать что-нибудь практическое. Конкретный пример – Президентская программа, которая много лет просит нас предоставить что-нибудь конкретное, увлекательное и интересное. К нам иногда обращаются со стороны и просят научить чему-нибудь практическому. Это группы людей, и, конечно, не общество в целом. Общественная потребность – это не то, что происходит в государстве, то, что происходит среди людей. Мой опыт говорит, что есть такой спрос и такая потребность у людей. Люди должны быть рефлексивными, безусловно. Когда я говорю об общественной потребности, я подразумеваю, что в обществе есть люди, группы людей, которые способны потреблять производимый нами продукт и у которых есть желание.

Шестой вопрос: То есть это то, в чём нуждается отдельный человек, а не общество в целом?

Докладчик: А что такое общество? Возьмём проблему рациональной организации общества, в которую входит процедура обоснования, критики и прочее. Это потребность отдельного гражданина? Да. Граждане, по крайней мере, какая-то часть, заинтересованы в том, чтобы общество было рационально организовано. Это потребность государства? Не всегда, государство часто не заинтересовано в том, чтобы рассматривать этот

вопрос. Это такая же ситуация, как и с гражданским обществом. На мой взгляд, нужно идти к обществу от людей, от небольших групп, от тех, у кого есть хоть какие-то потребности.

Реплика: Вы говорите о возвращении к той субъектности, субъективности, от которой ушла логика в 20 веке, планируете ли Вы на методологическом уровне рассматривать проблему психологизма, антипсихологизма как тех методологий, которые привели к этому исчезновению и тех методологий, которые пытались сохранить субъективность.

Докладчик: Для меня это всё связано. Рассмотрение проблемы психологизма представляется мне очень интересным, однако сейчас я сосредотачиваюсь на более конкретных вещах.

Седьмой вопрос: Мне понравился Ваш доклад, и я хотел бы спросить: разве когнитивная перспектива не позволяет Вам по-новому сформулировать третью целевую установку или достаточно уже сложившихся двух?

Докладчик: Тезис был такой: у нас, грубо говоря, есть крайности, между которыми нам нужно наводить мосты, т.е. строить промежуточные модели, сочетающие и то, и другое. В системной модели аргументации мы пытаемся становиться на край ориентации на адресата, одновременно с этим принимать во внимание рациональные способы. Эта теория не достроена, но направление вполне понятно. Нужно создавать такие модели, где две крайности работают совместно. Но я уже говорил, что прагматодialeктика пошла именно по этому пути со своим стратегическим маневрированием. Так или иначе – это магистральный путь для неё.

Комментарии и реплики к докладу:

И.А. Герасимова: спасибо Владимиру Никифоровичу за такой интересный доклад. На мой взгляд, он выявил всю сложность сегодняшней ситуации, заключающуюся в том, как сложно жить разумно и ощущать себя разумным человеком. Есть два вопроса, по которым я хотела бы высказаться. Первый вопрос по поводу демократии. Я не политолог, но понимаю идею демократии как некий способ разумной организации поведения людей. Я неоднократно была руководителем и пыталась демократически согласовывать работу со всеми авторами, но принимаю решение я всегда сама. Один из математиков сказал: «Чтобы тебя поняли, нужно создать своё научное сообщество». Я бы предложила в наши последние формулировки относительно удовлетворения общественных потребностей добавить слово «формировать». Теперь по поводу журнала. Я уже много лет работаю в журнале «Эпистемология и философия науки», и, могу отметить, что рецензирование, качество работы зависит от главного редактора, от организации его работы. Рецензии бывают отрицательные, но всё-таки на редколлегиях статья выходит, а там уже идёт обсуждение. Бывает рецензия положительная, но рубят на редколлегии. Часто с авторами работаешь очень долго, в течение года, если они идут на согласование, на доработку. Всё зависит от главного редактора.

Докладчик: Я как раз думаю, что всё зависит от коллектива, который работает.

Н.С. Зайцева: У меня несколько слов, связанных с предыдущими. Правильно было сказано, что в мире аргументацией занимается очень много людей. У нас очень узкий круг специалистов в этой области. Более того, среди нас люди, занимающиеся самыми разными вещами. И создаётся большой риск того, что статья, в которой будут упоминаться такие слова как (на моём

личном примере) «интенциональность», «трансцендентальный», это вызовет у рецензента некоторое непонимание. Нас очень мало – в этом заключается опасность. Я чисто технически не вижу, как это будет реализовано.

Д.В. Зайцев: Мне кажется, что создание рецензируемого журнала на базе имеющегося журнала «Рацио» русскоязычного – это дело бесполезное по двум причинам: во-первых, потому что это журнал, который существует для достаточно ограниченного сообщества, и с одной стороны, он фактически уже является товарищески рецензируемым, потому что все мы друг друга знаем и халтурных статей в этом журнале не появляется. А если мы его сделаем рецензируемым как положено, то в нём едва ли будут появляться новые имена в силу того, что он не очень широко известен. Во-вторых, то, о чём было сказано ранее – недостаточное количество специалистов. Поэтому, мне кажется, имело бы смысл, соединить это со второй задачей по поводу интеграции молодёжи в мировое сообщество и попытаться делать на той же самой базе англоязычный журнал. Тогда в качестве рецензентов могут выступать зарубежные специалисты. Возможно, найдутся также желающие в нём публиковаться. И гипотетически, если делать журнал по принципу современных журналов по логике электронным, есть возможность со временем войти в базы Thomson Science и так далее. Эта возможность является открытой, а с русскоязычным журналом, боюсь, это какие-то отдалённые перспективы. И по воду потребностей – буквально несколько слов. Мне кажется, что доклад был в некоторой степени непоследовательным, и эта непоследовательность отражает характерную черту нашего аргументативного и около того сообщества. С одной стороны, мы вроде ориентируемся на

удовлетворение потребностей общества, с другой – мы говорим о том, что нужно зафиксировать формирование потребности, и это правильно. В то же самое время, мы говорим о том, что нужно было бы в качестве задачи формировать рациональность общества, при этом честно признаёмся в том, что общество не нуждается в том, чтобы мы формировали его рациональность. Мне кажется, что для начала нужно в этом честно себе признаться. Даже если мы развиваем манипулятивные технологии у заказчика, всё равно, поскольку происходит некоторая операционализация и технологизация этой теории, то всё равно рациональность этого повышается. Поэтому я бы не связывал какую-то одну потребность с рациональностью. Я бы связывал все эти потребности с повышением рациональности. Это первое. А второе – нужно просто честно себе признаться, чего мы хотим: или мы хотим заниматься прогрессорством, считая себя максимально далёкими от народа, знающими всё и планирующими этот народ воспитывать, или можно встать на рациональную позицию в этом смысле, скорее даже прагматическую, и действительно стараться удовлетворять и формировать те потребности, которые связаны с рыночным обществом, с той ситуацией, в которой находимся мы и находится наше общество и соответственно, находится и теория аргументации. Поэтому, с моей точки зрения, имело бы смысл с этой точки зрения посмотреть на то, что мы можем сделать для общества и на то, как мы можем в него интегрироваться и с какими потребностями нашу деятельность можно будет связать. Но, наверное, это тоже тема уже для круглого стола, который у нас заявлен.

Л.С. Сироткина: Владимир Никифорович, во-первых, я хотела бы Вас поблагодарить за доклад. Мне было очень интересно по ряду оснований слушать Вас.

Кроме того, что здесь были высказаны действительно оригинальные идеи, было погружение в тот контекст, который сложился на Западе в системе представлений об аргументации. И ещё мне была интересна последняя часть, Ваше предложение связанное с журналом и формированием сообщества. И прежде чем я перейду к последней части, я хотела бы ещё раз среагировать на вопрос Анатолия Ивановича, потому что мне кажется это очень важным в контексте формирования этих идей, которые связаны с созданием такого журнала и сообщества на базе журнала. Одна из проблем нашего манипулятивного общества связана с тем, что нет общественных потребностей, которые выражают институты, про которые Вы говорили. Есть институты гражданского общества, которые находятся в стадии формирования. И именно формирование таких институтов – это одна из задач современного общества в целом, но и мы в этом смысле можем стать таким институтом гражданского общества. И я бы очень хотела среагировать на реплику Дмитрия Владимировича. Я думаю, Дмитрий Владимирович, то, что Вы сказали, очень адекватно, и в то же время эту идею представления журнала на английском языке можно, на мой взгляд, принять только в том случае, если сочетать её с идеей двуязычного журнала. Мне кажется, что уходить от русского языка нельзя ни в коем случае, в том числе с точки зрения формирования общественной потребности в рациональности. Я сошлюсь на пример, который приводил нам Владимир Никифорович, говоря об опыте работы в строительной компании. Если представителям строительной компании сказать, что мы этим давно занимаемся, и прочтите, пожалуйста, статьи господина Зайцева, и они увидят эти статьи

исключительно на английском языке, то на них будет трудно ориентироваться.

Д.В. Зайцев: Это две разные вещи. Одно дело – развитие теоретической науки, другое дело – строительная компания. Это две разные работы.

Л.С. Сироткина: Но я полагаю, что развитие теоретическое должно быть в том числе и прагматически ориентированным, учитывая, что мы ведём речь о проблемах аргументации. Мне кажется, что если принимать эту идею, то важно, чтобы это было двуязычное издание, чтобы его могли читать те же студенты и аспиранты, которые не все владеют английским языком. Родной язык тоже нужно сохранить, тем более, что электронный журнал позволяет создавать вариант двуязычный. Но это моя точка зрения.

Докладчик:

Спасибо большое за вопросы, замечания. Я не скрываю, что вступил для себя в новую область социальных вещей, где чувствую себя не очень уверенно, но это интересно. Конечно, нас мало, вполне понятно ограничение, задача роста, которая лёгкой не будет, если мы собираемся это делать серьёзно. Что касается, некоторого противоречия, Дмитрий Владимирович⁶, в моём докладе, это вообще общая ситуация. Я являюсь сторонником того, чтобы наводить мосты между крайностями, я уже об этом говорил, и не бояться противоречий. Идея англоязычного журнала, конечно, приходила мне в голову, многократно, попытаться привлечь иностранную публику и так далее. Но, во-первых, сколько народу будет писать статьи на английском языке? А перевод – это очень дорогая вещь,

⁶ *Дмитрий Владимирович Зайцев* – д. филос. наук., доц. каф. логики МГУ.

соответственно, необходимо внешнее
финансирование. Давайте думать на эту тему.

Дискуссии по итогам семинара

А.И. Мигунов⁷

1. К круглому столу «Формальная логика и общество»:

Российские логики не представляют собой изолированного автономного сообщества. Они работают в том же проблемном поле, что и зарубежные логики, знакомы с их работами, критически используют в своих исследованиях идеи, высказанные в них. Если посмотреть ссылочный аппарат российских публикаций, то никакой особой изоляции от мировой логики нет. Ссылочный аппарат их текстов свидетельствует об их принадлежности мировому сообществу логиков, но ссылочный аппарат зарубежных логиков об этом не свидетельствует. Преодоление языкового барьера постепенно происходит и лет через десять-двадцать публикации российских логиков в западных журналах станут делом обычным. Если, конечно, в России будут культивироваться соответствующие правила научных публикаций.

Может показаться парадоксальным, но одним из факторов, сдерживающим вращение российской логики в «общемировой логический процесс», является невнимательность российских авторов к публикациям своих российских коллег. В этом случае за спиной стремящегося втиснуться в мировой научный процесс логика не стоит авторитет российской логической школы. Этому, конечно, способствует множество малотиражных, остающихся на периферии научного интереса, и потому мало кем читаемых сборников. К сожалению, в России плохо развита культура научных публикаций. Это тоже один из факторов, сдерживающих экспансию российских

⁷ Доцент каф. логики СПбГУ.

авторов в мировую логику. Поэтому создание доступных (по крайней мере, через интернет) профессиональных журналов с принятыми в мировом научном сообществе критериями и механизмом отбора и рецензирования рукописей стимулировал бы решение этой задачи. Ну, и, конечно, желательно, чтобы они были, по крайней мере, двуязычными с самого начала. А их иноязычные *summary* были бы все более пространными.

2. *К круглому столу «Аргументация и логика в образовании»:*

Студент, прежде всего, конечно, гуманитарного факультета, намеревающийся слушать курс математики, как правило, не предполагает, что прослушав курс и освоив соответствующий набор сведений и умений, он получит средства решения своих повседневных или научных проблем. В лучшем случае, он воспринимает этот курс как обязательный элемент систематического образования, гармонизирующий способности его интеллекта. Ожидания же студента по отношению к курсу логики иные. Он полагает, что курс логики даст ему востребованные в любой профессии, и вообще в жизни, умения и навыки в построении доказательного рассуждения, предохраняющие от заблуждений и помогающие убеждать разумного собеседника. Прослушав же стандартный вузовский курс формальной логики, он нередко испытывает разочарование. Понять практическую полезность этого знания ему почти так же трудно, как и применимость в решении повседневных задач математических рассуждений о множестве всех множеств. Сразу же скажу, что я считаю серьезное изучение математики и логики важнейшими элементами духовной культуры и, следовательно, образования. Ведь высшая школа дает не только

профессию, а и образование. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что нынешняя переориентация средней школы, и высшей, по крайней мере, в рамках бакалавриата, на примитивно понимаемый «компетентностный подход», стремление оградить развивающийся интеллект от «перегрузок», ведет к тому, что эти дисциплины какое-то время будут все более вытесняться из учебного процесса. Конечно, надо стремиться сохранить курс логики в высшей школе. Но это будет легче сделать, если дополнить (я подчеркиваю, дополнить, а не заменить) курс логики курсом теории и практики аргументации, который, по сути, является курсом логической прагматики. Курс по аргументации дополняет стандартный курс формальной логики, и с одной стороны демонстрирует его необходимость, а, с другой, заполняет эту лакуну между абстрактным формально-логическим знанием и потребностями анализа реального аргументативного дискурса. А всякий дискурс, какую бы его форму мы не взяли, аргументативен по природе своей.

Худшим вариантом была бы замена курса логики курсом эристики, вроде шопенгауэровской «эристической диалектики». Вот где видимость безусловной «полезности» и формирование востребованных компетенций налицо. Большого вреда *образованию*, чем этим курсом, нанести трудно.

Кроме того, надо помнить самим и разъяснять другим, что тривиум составлял начало всякого образования не в силу неразвитости его или недостаточности конкретных наук того времени, а потому, что без него сколь угодно изощренная профессиональная подготовка не становится образованием, не формирует образованного человека.

3. *К круглому столу «Рассуждение и убеждение в современных социальных практиках»:*

Если анализировать высказывание «на улице идет дождь, но я в это не верю» средствами классической формальной логики, то никакого парадокса мы не обнаружим. Да, это конъюнктивное высказывание вполне может быть истинным, если на улице идет дождь, а я почему-то в это не верю. Например, сижу в закрытом помещении с плотно зашторенными окнами, в котором тепло и сухо, и читаю прогноз погоды на сегодня, в котором ни намек на возможные осадки, а тем не менее, на улице действительно идет дождь.

Парадоксальным является не это высказывание, а конкретное речевое действие называемое «утверждение», совершаемое неким субъектом речи, а указанное высказывание составляет его пропозициональное содержание. Парадокс порождается противоречием между конститутивными правилами совершения этого действия, правилами, которыми должен руководствоваться субъект действия, и истинностной характеристикой пропозиционального содержания этого действия. Ясно, что анализ такого рода действий, например, утверждений, приказов, советов, обещаний и пр., пр., в том числе их семантический анализ не сводим к анализу истинностных характеристик их пропозиционального содержания. Станным здесь является не высказывание, а поведение субъекта. Понятно, что ложь вполне может оказаться не только истинностной характеристикой пропозиционального содержания дискурсивного действия, но и коммуникативной, прагматической характеристикой, не вполне зависящей от истинностной характеристики пропозиции, а также характеристикой субъекта дискурсивного действия, который оказывается лжецом.

В разных социальных практиках специфика такого рода действий различается и фиксируется в соответствующих конститутивных правилах, нарушение которых означает только одно, что эти действия не совершаются. Это все равно, что шахматными фигурами играть в шашки, шахматной игрой это не будет.

Такое коммуникативное действие как обещание в юридической практике предстает, кроме прочего, и в форме договора. При анализе возможных последствий для сторон этого договора, надо исходить не только из его пропозиционального содержания, но и из некой совокупности конститутивных коммуникативных, специфических для данного рода дискурсивных практик, правил.

В педагогике, бизнесе, политике такого рода правила могут быть различными. Вспомним приписываемую Вольтеру сравнительную характеристику дипломата и дамы: “Когда дипломат говорит «да», он подразумевает «возможно». Когда он говорит «возможно», он подразумевает «нет». Когда он говорит «нет», он не дипломат. Когда дама говорит «нет», она подразумевает «возможно». Когда она говорит «возможно», она подразумевает «да». Когда она говорит «да», она не дама”.

Эти особенности дискурса должны найти свое отражение в логической прагматике, в которой исследуются логические основания различных дискурсивных практик.

В.И. Чуешов⁸*1. К круглому столу «Формальная логика и общество»:*

Постановка курса аргументации на Западе в виде новой риторики в Бельгии, теории аргументации в Нидерландах, критического мышления в Великобритании и США, информальной логики в Канаде изначально была призвана удовлетворить две острых потребности обучающихся. Во-первых, потребность в практическом использовании логических знаний в процессе анализа актуальных проблем жизни и науки, и, во-вторых, в их интересе к повышению культуры рассуждения на обыденном языке. Последний интерес, фактически, отражал разочарование студентов в возможности практического применения искусственных форм представления правильных форм мышления в жизни и профессиональной деятельности. С этой точки зрения, в некотором смысле введение в оборот курса аргументации было предмечиванием результатов стихийной негативной реакции студентов (своеобразного студенческого логического луддизма) на успехи логики как науки в деле формализации различных видов рассуждения.

Контекстом реализации данных потребностей и интересов было то, что постсоветское пространство, на котором перед развалом СССР логика широко не преподавалась, познакомилось с курсами аргументации не столько в качестве реакции общественности на запросы жизни, сколько в результате реализации проекта догоняющего развития в сфере образования. Данное развитие вдохновлялось идеями о том, что, если это есть у них, то почему бы оно не могло бы быть и у нас. Четко не проартикулированная потребность в курсе

⁸ Зав. кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республике Беларусь.

аргументации, однако, негативно повлияла на его преподавание в отечественной высшей школе двояким образом. С одной стороны, спровоцировав неоправданно негативное отношение к преподаванию курса аргументации на университетских кафедрах логики в 90-ые гг. XX в. со стороны представителей ее переднего края развития. С другой стороны, догоняющее развитие реализуемое не профессиональным логическим сообществом, а практиками от бизнес-коммуникации в соответствии с имевшимся у них знанием и опытом использования аргументации в жизни, обусловило трансляцию невысокого уровня аргументации в обществе. Вот почему нельзя не согласиться с теми, кто, как В.Н.Брюшинкин выступает за повышение профессионализма в преподавании аргументации в отечественной высшей школе. Последнее, как мне представляется, следовало бы поставить на рельсы опережающего развития в отечественном образовании, в соответствии с которым результаты с переднего края современной аргументологии и аргументорики следовало бы быстрее и шире внедрять в отечественный культурный оборот.

2. К круглому столу

«Рассуждение и убеждение в современных социальных практиках»:

В выступлении Е.Н.Лисанюк, на мой взгляд, предельно четко была поставлена проблема коммуникативного соотношения зависимого и независимого поля рассуждения (убеждения, аргументации) в различных сферах социальной деятельности. Это, действительно, одна из центральных теоретических, все еще ожидающих своего решения проблем аргументологии.

На мой взгляд, подступ к ее решению мог бы выглядеть следующим образом. С одной стороны, с

помощью категориального аппарата аргументологии необходимо реконструировать содержание современного базового типа рациональности аргументации вообще (рациональности первой трети XXI в.), а, с другой стороны, прояснить структурные и функциональные особенности взаимосвязи базовой и контекстуально зависимых полей рассуждения в различных видах социальной деятельности. Это прояснение, по-видимому, позволит более точно выявить зависимость некоторого контекстуального поля аргументации и от традиции (авторитета), а также от внутренней зрелости его концептуального аппарата.

С.Л. Катречко⁹

1. К круглому столу «Формальная логика и общество»:

Логика как работа с абстрактными объектами (тема выступления): такое понимание логики сближает логику с математикой и информатикой. Точнее, можно выделить три (исторических) парадигмы логического: 1. философскую логику (античность (Аристотель) – вплоть до серед. XIX века) – логика как часть философии; 2. математическая логика (конец XIX в. – вторая половина XX века) – логика как часть математики (Фреге vs. Аристотель); 3. логика как способ работы с информацией, или абстрактными объектами. В рамках третьей парадигмы 1. логика не «подшивается» ни к философии, ни к математики (поэтому следует ожидать ее «выпадение» из состава как философского, так и математических факультетов); 2. вполне правомерно говорить о теории аргументации, которая также представляет собой информационную дисциплину.

2. К круглому столу «Аргументация и логика в образовании»:

Стандартному курсу логики можно учить только старшеклассников (10 – 11 классов), для более раннего возраста «формализмы» большинство воспринимаются очень трудно (ср. с концепцией поэтапного развития интеллекта Пиаже). Личный опыт показывает, что в этом случае лучше использовать игровые формы обучения логики, т.е. обучать «прикладной» логике, содержащейся в ой или иной (логической) игре. Классическим примером являются шахматы или игра Го. Мне же удалось разработать метод обучения логики на примере игры «Быки и коровы».

⁹ Доцент МГУ.

3. К круглому столу «Рассуждение и убеждение в современных социальных практиках»:

Специфика аргументации в киберпространстве (тема выступления): Бурное развитие кибернетических видов коммуникации (интернет, мобильная связь, социальные сети) накладывает отпечаток на структуру коммуникации в этих областях. Хотел бы обратить внимание на два интересных с моей точки зрения обстоятельства. 1. Кибер-письмо представляет собой некий средний, пограничный тип коммуникации между устной и вербальной коммуникации, в котором ослаблены средства вторичного контроля порождаемых текстов. Возникает феномен on-line письма, который связан с уровнем пред-сознания. 2. Согласно исследованиям видного социального психолога (лингвиста) и теоретика коммуникации Альберта Мерабиана в (устной) коммуникации лишь 7% значения передается произносимыми словами, в то время как 38% значения передается паралингвистическими средствами (тем, как эти слова произносятся, т.е. интонацией, ритмом и пр.), а 55% процентов передается мимикой, пантомимикой и жестикуляцией. В частности, стандартные формальные (когнитивные) модели коммуникации (аргументации) не учитывают ее эмоциональный аспект, который безусловно оказывает влияние на коммуникацию (аргументацию). В киберпространстве возник интересный феномен *смайликов* (нечто среднее между обычными словами и пиктограммами) , с помощью которых участники коммуникационного процесса имеют возможность выразить свое (эмоциональное) отношение к происходящему. Так, например, на вопрос «Пойдешь ли ты завтра со мной в кино?», возможен не только нейтральный ответ «Нет», но и два эмоционально окрашенных ответа: «Нет ☺ [:]» «Нет :(», первый из которых выражает сожаление

отвечающего «Нет, к сожалению (хотя хотелось бы», а второй — сарказм (отрицательный оттенок) типа «Нет, не пойду, и вообще с тобой «водиться» не хочу». Здесь возникает проблема формализации с помощью логических средств подобной эмоциональной составляющей коммуникации (аргументации).

Е.Н. Лисанюк
Обзор круглого стола:
«Рассуждение и убеждение в современных
социальных практиках»

В Светлогорске в послеполуденное время улучшилась погода, «семинаристы» неспешно собирались на заключительные заседания. К старту Круглого стола участники семинара подошли под впечатлением обсужденных во время предыдущих сессий актуальных вопросов и не в полном составе. Эмоциональный накал после утренних острых дискуссий о судьбах самих логиков, логики как научной дисциплины и ее преподавании растворился в умиротворяющих настроениях предвкушения вечернего отдыха.

В начале Круглого Стола были кратко обрисованы некоторые характерные черты современного этапа исследований в области аргументации, а также настроений ученого сообщества и сформулированы теоретические основания вопросов, предлагаемых для обсуждения.

Во-первых, следует различать фигуру ученого-логика, логика-педагога и методическую работу по созданию дидактических основ преподавания логики и дисциплин логического цикла, или фигуру методиста. Ученый создает науку, он не только определяет ее предмет и методы, но и выявляет ее теоретические вызовы – проблемы науки, предлагая их решения в виде научных теорий. Результат деятельности ученого всегда носит динамический характер, потому что предлагаемые им решения научных проблем являются по определению промежуточными решениями, свидетельствующими о поступательном движении в области самой науки. В отличие от ученого, педагог выступает в некотором

роде «могильщиком» деятельности ученого. Суть деятельности педагога состоит в том, что из результатов, полученных ученым, он создает непроблематизированную, устойчивую и сбалансированную картину корпуса знаний, консервируя тем самым теоретические результаты ученого и их динамический характер. Функции же методиста заключаются в том, чтобы с учетом особенностей аудитории, подлежащей обучению, подобрать совокупность дидактических методик, обеспечивающих усвоение ею картины корпуса знаний, натюрморта, обрисованного педагогом на основе теории, созданной ученым.

На практике ученый, педагог и методист могут удачно сочетаться в одном человеке, однако это не означает, что такое сочетание носит необходимый характер. Другим существенным аспектом этой «триады» является то обстоятельство, что, теоретически, если некий ученый плохо выполнил свою работу или не выполнил ее вовсе, т.е. не создал научной концепции, то деятельность педагога и методиста становится невозможной: «консервировать» в учебник и снабжать дидактическими материалами будет нечего. Иными словами, результаты деятельности ученого являются необходимым условием не только реализации функций педагога и методиста, но и собственно возникновения учебной дисциплины в данной области знания. С другой стороны, считать, что в качестве теоретических основ учебной дисциплины будет непременно выступать результат данного ученого или группы ученых, было бы наивно.

Современные научные сообщества осуществляют свою деятельность в условиях жесткой конкуренции, носящей глобальный характер. В силу этого в качестве научных теорий, подлежащих «педагогизации» будут

избраны концепции, созданные наиболее успешным научным сообществом.

Все эти обстоятельства не новы, что не умаляет их актуальности в связи с развитием логического знания и логического сообщества. Стоит подчеркнуть особо, что именно выявление проблемных точек и порождение научных теорий, т.е. труд ученого-исследователя, является залогом успеха в продвижении логической науки, поэтому миссией логического сообщества должно стать, прежде всего, создание и обсуждение концептуальных вопросов данной области научного знания, к чему и предлагается сейчас перейти.

В статье *Е.Н. Лисанюк и И.Б. Микирумова* «Дело «Протагор versus Эватл» принять нельзя отклонить»¹⁰ было предложено два подхода к решению указанного известного затруднения, которое часто считают парадоксом. Один из подходов состоит в том, что в основе этого затруднения лежит не логический парадокс, а софизм, т.е. задача, требующая нетривиального решения. В качестве такового в статье предложено считать, что суть спора между Протагором и Эватлом заключается не в оплате труда, но в том, как трактовать фразу заключенного между ними договора, в которой говорится о «первой тяжбе, выигранной Эватлом». Как только этот момент прояснен, существо спора выходит за рамки логического знания, и становится предметом обсуждения с позиций правил и установлений, свойственных конкретной социальной практике принятия юридических решений и социальному институту права в целом. Каковы логические

¹⁰ *Лисанюк Е.Н., Микиртумов И.Б.* Дело «Протагор versus Эватл» принять нельзя отклонить // Человек познающий, человек созидатель, человек верующий \\ Сб. ст. Ред. Кол. Ю.Н.Солонин (пред) и др. – СПб, Изд-во СПбГУ, 2009. (Вестник СПбГУ. Министерство образования и науки РФ. Спец. Вып) С. 85-97.

основания разрешения спора с учетом этих особенностей, говорится во второй части статьи.

В первом и втором блоках вопросов под названиями «Логика, аргументация и право» и «Рассуждение, обоснование и убеждение в различных сферах социальной деятельности» ученому сообществу предлагалось обсудить проблему взаимосвязи и взаимовлияния социальных практик, в частности в области права, и процедур обоснования и убеждения.

В.Н. Брюшинкин высказал соображение о том, что спор Протагора и Эватла слабо связан с проблематикой, предлагаемой к обсуждению. *Д.В. Зайцев* предложил, чтобы сначала были проведены теоретические разграничения между рассуждением и обоснованием, рассуждением и убеждением. Он предостерег от того, чтобы объединять эти процедуры в одном вопросе, а также от того, чтобы считать логику наукой о рассуждениях. В ответ на это *И.Н. Грифцова* напомнила, что в ходе итоговой дискуссии семинара «Модели рассуждения 4» такой вопрос, т.е. вопрос о демаркации обоснования, рассуждения и убеждения уже обсуждался. Ученое сообщество в результате этого обсуждения пришло к некоторому консенсусу, в частности, по вопросу о том, что обоснование – это убеждение без адресата.

В.С. Меськов отметил, что поставленная таким образом проблема не может быть сформулирована в качестве одного вопроса, потому что включает в себе как минимум шесть различных вопросов. В частности, вопросы о том, стоит ли, и если да, то каким образом следует различать рассуждение, обоснование и убеждение, надлежит рассматривать применительно к конкретным социальным практикам. Эту идею подхватил *Д.В. Зайцев*, согласившийся с тем, что в любом случае процедурные особенности рассуждения, обоснования и убеждения в разных социальных

практиках отличны. В этом же ключе высказался и *В.М. Сергеев*, обративший внимание аудитории на особенности этих процедур в медицине и праве. Следует признать, сказал он, что экспертным мнением для юриста является мнение другого юриста, и аналогичным образом дело обстоит и для медиков: убедить медика может только другой медик. Вслед за выступлением *В.М.Сергеева* раздались одобрительные возгласы участников ученого сообщества. Получается, попыталась подвести итог дискуссии *Е.Н. Лисанюк*, что процедурные особенности указанных видов деятельности производны от их содержательной специфики, являющейся, в свою очередь, производной от соответствующих социальных практик. С уточнением выступила *Н.В. Зайцева*, она подчеркнула, что корни искомым различий могут быть обнаружены не столько в содержательных аспектах социальных практик, сколько в направленности участников этих практик и дискуссий, в их интенциональности, понимаемой феноменологически. *С.Л. Катречко* привел пример распространенной ныне практики использования смайликов на письме. Он указал на то обстоятельство, что коммуникативный аспект этих визуальных компонентов до сих пор остается неясным, и в зависимости от того, каким образом такие объекты интерпретируются участниками коммуникации, они могут выступать маркерами как убеждения, так и эмоционального настроения.

Поскольку ученое сообщество в целом поддержало идею о том, что в разных сферах общественной жизни каноны аргументации и убеждения отличаются, было предложено сконцентрироваться на обсуждении классификации дискуссий, выдвинутой в рамках диалектического подхода *Д.Уолтоном* и *Э.Краббе*. В этой классификации учитываются намерения и цели сторон, начальная ситуация и возможные результаты

дискуссии. Иными словами, она представляет собой попытку увязать некоторые аспекты социальных практик и процедурные особенности дискуссий (диалогов), уточнила *Е.Н. Лисанюк*.

Обсуждение классификации проходило без особого энтузиазма. Неясно было, является ли это результатом общей усталости участников, или имеются принципиальные возражения настолько масштабного характера, что выдвижение их в рамках круглого стола видится неэффективным. *В.Н. Брюшинкин* указал на существенный недостаток классификации, состоящий в отсутствии спецификации адресата. *В.И. Чуешов* обратил внимание сразу на несколько непроясненных в данной классификации вопросов. Во-первых, подтип дискуссии 'learned dialogue' вряд ли следует понимать как «ученый диспут», тогда как скорее это – обучающий диалог. Во-вторых, под 'information-seeking dialogue' разумнее представить не как информативную дискуссию, но как поисковый диалог. В-третьих, в оригинале в данной классификации отсутствует еще один тип – смешанный диалог. Завершил свое выступление *В.И. Чуешов*, высказав предположение, что ведущая круглого стола манипулирует аудиторией, подталкивая ученое сообщество к принятию определенной, возможно, разделяемой ею, позиции. При упоминании о том, что данная классификация не является ригористической, аудитория заметно оживилась. *И.Д. Концев* указал, что соревновательный аспект в ней учитывается не в полной мере. Эту идею подхватила *Н.В. Зайцева*, указав, что функции рационального судьи в различных типах данной классификации разнятся, однако это не нашло отражения в самой классификации. Конкретным примером может служить эристика, где, по-видимому, рациональный

судья, или аудитория, должны судить о том, кто одержал победу, однако в других дискуссиях такой функции рационального судьи не предусмотрено. В противовес критическому пафосу аудитории выступил *А.И. Мигунов*. Он отметил, что в основе данной классификации лежит представление об участниках дискуссии как реализующих свои цели путем определенных действий, которые, в свою очередь, регулируются на уровне процедуры, что и пытается выразить данная классификация.

Несколько более оживленно проходило обсуждение темы «*Аргументация, софистика, пейрастика*». Во вступительном слове ведущая акцентировала внимание ученого сообщества на актуальности поиска демаркационных процедур легитимных и нелегитимных доводов в аргументации и предложила в качестве примера такого разграничения позицию Аристотеля об отличиях логики, диалектики, риторики и софистики по цели, предмету, способу, форме, правилам и аудитории. Кроме этого, ученому сообществу было представлено современное понимание легитимных речевых социальных практик, таких как эристика и пейрастика, и нелегитимных – рабулистика, софистика и «черная риторика».

Неожиданный поворот и импульс дискуссии придал *Д.В. Зайцев*, попросив уточнить, что же такое «пейрастика». В ответ ведущая *Е.Н. Лисанюк* разъяснила, что пейрастика представляет собой искусство испытывания в речи (диалоге) с целью научить испытуемого адекватно и оперативно формулировать собственные диалоговые ходы или же с целью проверить, насколько он владеет искусством ведения беседы. При этом предполагается, что никаких других целей, кроме указанных, данное испытание не преследует. В отличие от этого, в

рабулистике намерения испытывающего состоят в том, чтобы представить испытуемого в невыгодном для него свете, подчас в уничижительном. Удовлетворения от полученных разъяснений *Д.В. Зайцев* не получил и продолжал настаивать на том, что ему не вполне ясен смысл различий между пейрастикой, софистикой и эристикой. *Е.Н. Лисанюк*, обращаясь к ученому сообществу, указала на свой диалог с *Д.В. Зайцевым* как на пример пейрастики, в котором испытующим, или пейрастом, выступает именно *Д.В. Зайцев*. Непривычно звучащая терминология заметно развлекла участников круглого стола. Дальнейшее обсуждение вопроса о разграничении приемлемых и неприемлемых способов аргументации проходило в русле дискуссии по первым двум вопросам, т.е. в области социальных оснований искомой дистинкции. *В.М. Сергеев* обратил внимание на то, что предложенная классификация не соответствует когнитивным принципам моделирования аргументации и похожа на анахронизм. *В.И. Чуешов* указал, что разграничение логики, диалектики, риторики и софистики и различение легитимных от нелегитимных способов аргументации производятся по разным основаниям, поэтому не следует увязывать одну классификацию с другой. По вопросам о том, следует ли в курсах по логике, аргументации и критическому мышлению изучать ошибки в рассуждениях, аудитория, в целом, была единодушна в положительном ответе, выдвинутом *И.Н. Грифцовой*, и поддержанном *Ю.В. Ярмаком*.